

Театр «Сатирикон»

16+

К. КЛИМОВСКИ

«Мой папа – Питер Пэн»

15 вс – 19 ч

Когда исчезает папа

Э тот маленький стильный спектакль с обманчиво-детским названием (поэтому в зале немало подростков – одни подтанцовывают во время гитарных интермедий, другие рыдают в три ручья, узнав себя), вот уже четвертый год продолжает сохранять свой стиль и драйв, точно был поставлен вчера. Вначале был эскиз на драматургическом конкурсе РАМТа «В поисках новой пьесы», ставший безусловным фаворитом, затем «Мой папа – Питер Пэн» оказался среди победителей «Маленькой Ремарки» и, наконец, попал на сцену, в лонг-лист «Золотой маски», программу «Детский Weekend», в лауреаты «Арлекина» и так далее и тому подобное.

Художник Денис Сазонов точно вдохновился афишей фильма «Маленькая мисс Счастье». Беспримесный желтый цвет заливаает все пространство, пол, потолок, стены, задник, мебель и музыкальные инструменты, элегантные костюмы и обувь почти всех героев, которые как будто соткались из этой радостно-агрессивной желтизны и не отбрасывают тени. «Мы ослепли давно от такой белизны, но прозреем от черной полосы земли» – в «Моем папе» есть три цветовых пятна для прозрения. Почти безмолвный Капитан Крюк (Ярослав Медведев) в ярком красном костюме – воплотившийся персонаж из любимой книжки про Питера Пэна, любой озлившийся и более сильный одноклассник, любая угроза, опасность, страх, важный спутник детско-го сознания. Он отдает короткую команду «Дальше», и желтое пространство подчиняется эхом «дальше, дальше» и гонит сюжет к трагической развязке и последующей жизни – скучной, как у всех, осмысленной, с проработанными травмами, как это принято сегодня говорить. Он, как опытный психоте-

рапевт, тянет героя сквозь страх и травмы, как сквозь болото: вернись обратно, туда, где было так хорошо, а потом почему-то стало плохо, пройди свой путь еще раз, проживи его осмысленно, выплачь и изживи, освободись и прими свое прошлое. У Капитана Крюка есть антагонист – Рассказчик (Константин Новичков). Это взрослый, который мечтает вернуться в свое детство, найти точку невозврата и научить себя, маленького, как быть. Оживить раздавленную бабочку, направить жизнь в нужное русло.

Второй цвет – ярко-синий провал лифта, портала в неизведанное, в неизбежное, во взросление. Со стрелочками «вверх» и «вниз», с вечным вопросом – упал или взлетел, разбился или исчез, решил поверить в красивую фантазию и застрял в ней надолго или принять реальность такой, какая она есть. И, наконец, белая пижамка «с овечками» мальчика Дани – за эту роль Алина Доценко уже получила несколько наград. Ее Даня еще «не раскрашен» ни в какие цвета – «красного» страха, «синего» полета, «желтой» и жесткой обывденности, он пока еще имеет право на ангельский белый цвет. И только этому герою и актрисе режиссер оставила возможность естественной игры в ребенка: грех было бы не использовать органику этой актрисы, которая прошла по узкой грани между «тюзятиной» и остряющей иронией. В каком-нибудь кондовом советском театре она навсегда застряла бы в утренниках с ролями белочек и зайчиков, но в «Сатириконе», чей руководитель получил прививку и от таких спектаклей еще в «Современнике» (о чем рассказывает смешно и зло), ее точно минует эта судьба. Впрочем, уникальность, в хорошем смысле «неуниверсальность» этой актрисы такова, что каждый раз она

должна быть причиной спектакля, а не просто удобной краской в палитре режиссера. Детский смех звенит бубенчиками по всему залу, мгновенные реакции ребенка настаивают, как уколы рапиры, – только успевай уворачиваться, абсолютная вера в папу Петра-Питера. И в паре «отец – сын» ведомым оказывается именно отец. Папу (Илья Рогов) одели в такой же желтый костюм и туфли, точно лишив его права на исключительность на этом сеансе психоанализа. Но наградили странной прыгающей походкой какого-то компьютерного персонажа – изьяном, тоской по исключительности, неспособностью принять обыденную жизнь, нежеланием взять на себя ответственность за судьбы близких людей. Герой Ильи Рогова конфликтует не только с реальностью, но и с тем образом, который сложился в сознании у Дани. Образом красивого и веселого папы с чертиками в глазах, одним своим обаянием способного решить все проблемы, настоящего Питера Пэна, который летает и отбирает еду у орлов. Инфантильный отец с претензией на оригинальность и талант, врун, болтун и хохотун, научившийся играть на слабостях людей, напористый и не особо рефлексирующий, и изобретательный в своем вранье – типичный герой нашего времени и общества. Но и для него наступает момент истины или, если хотите, экзистенциального выбора, черты, через которую и он не может переступить. Это сыновняя вера в него. Он не может ее предать. И, не умея победить себя и свои слабости, выходит в окно, чтобы спасти остатки этой веры и самоуважения. Спасти, как умеет.

Как это часто бывает, за мужские игры расплачиваются женщины. Учительница Софьи Шербаковой и Мама Анастасии Самыловой точно две сестры – одинаково элегантные, усталые, натянутые как струны. Обозначающие свои эмоции скупой внеэмоциональной речью или криком на одной ноте (обозначением крика, люди так не кричат) у Мамы. Одинаково готовые на жертву: уйти из школы после допущенной слабости (возможность любовной интрижки с отцом ученика) или

▲ «Мой папа – Питер Пэн»
Фото: А. Иванишин

взять на себя продолжение сказки-лжи, сочиненной отцом, чтобы не сломать душу ребенка. Вместо того чтобы позволить себе слабость и разделить с сыном правду, подстегнув его взросление. Понимая, как она при этом рискует пустить сына по тому же пути, каким ушел в осеннюю хмарь его отец, – пути иллюзий, бесплотных фантазий и неумения принять реальность.

Надя Кубайлат и хореограф Александр Николаев создали для актеров жесткий каркас из ровной одноцветной речи и пластики, где драка похожа на танец, полет – на статику, походка – на скольжение. Тем дороже напряжение, которое угадывается за сложным формальным рисунком. Рассказчик, взрослый Дани, остается таким же, как все. С глубокой детской травмой, в которой смог разобраться. Со страхом, который смог победить (в конце спектакля Капитан Крюк пятится задом от одного взгляда Дани и навсегда исчезает в кабине лифта). С пониманием своих родителей – они теперь кажутся ему почти детьми, наломавшими дров. С болью, но и благодарностью к отцу, все-таки не предавшему его, и к матери, не захотевшей его сломать. Не так уж мало для почти счастливого финала.

Ольга Фукс

РЕЖИССЕР: Н. КУБАЙЛАТ.
ХУДОЖНИК: Д. САЗОНОВ.